

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ПЕРВАЯ

«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПЕТЕРБУРГ—1922 Г.

Связи Запада с Востоком старинные, и к глубокой древности восходит и интерес к Востоку. Египет, Финикия, Карфаген внесли много в западный средиземноморский мир. Персы столкнулись с греческим миром. Александр Македонский в своих миродержавных мечтах устремился походом на Восток. Этот сказочный по своей смелости поход стал достоянием легенд всех народов Востока и Запада, для которых великий македонянин сделался любимым героем.

Явилось с Востока христианство и покорило Запад, и свою священную «Книгу»—Библию дало этому Западу. Рим, покорявший Восток силою оружия и в значительной степени покоренный восточным миром духовно, вводил, с одной стороны, в свою религиозную жизнь восточные культы, среди них культ лучезарного персидского Митры, с другой—вывозил из Индии драгоценности и пряности. Византия сменила Рим и еще теснее стало общение Запада с Востоком, общение и борьба: торговля шелком вовлекла в это общение и Китай, который уже был известен Риму. Грозною волною залили кочевники Азии поля Европы, и имя гуннов надолго сохранило здесь свое страшное значение. На юге Арабы совершали свои завоевания, а Сицилия и, особенно, Испания надолго сохранили следы их влияния и передали его другим странам Европы. Арабы и Евреи во многом помогли Европе сохранить и греческое научное наследие.

Наступили крестовые походы, и сношения между Востоком и Западом развились еще больше: мы видим, как в языки запада широким потоком вливаются восточные слова и как усиленно восточные темы рассказов повторяются на Западе.

Появляются монголы—стремительные завоеватели, татарское иго в России. Начинают тянуться на Восток миссионеры и купцы, принося на Запад бесчисленные рассказы о чудесах Востока. Великий хан и таинственный христианский государь глубин Азии пресвитер Иоанн зачаровывают западного человека.

Проходит еще некоторое время, и мы видим путешественников, ищущих путей в Индию и Китай, на море и на суше. Великие Моголы Индии с своими сказочными богатствами привлекают европейцев.

Наступает великий век науки—XVII век, и зарождается научное востоковедение. С XVIII веком Европа покорена очарованием арабских сказок 1001 ночи, вызывающих бесконечные подражания. Становится известным таинственный мир Индии, миссионеры усленно продолжают изучать Китай, посещают Далай-Ламу в Тибете; древняя персидская религия становится известной, благодаря французскому исследователю-энтузиасту, становится известной и ее священная книга Авеста.

Мы вступаем в XIX век—век исторических и вспомогательных им наук. Победы сравнительного языкознания обнаруживают тесное родство многих народов Азии и Европы. Блестящие открытия в области египетских иероглифов и в области клинописи открывают громадный новый мир древнейшего Востока и позволяют говорить о тысячелетиях исторической жизни народов. Чувствуется, что для человеческого знания завоевана громадная новая область. Лихорадочно быстро идет изучение Востока и его беспечных языков и народов, каждый год приносит новые открытия из этого мира, который во многом является столь своеобразным, что сперва кажется, будто между ним и Западом непроходимая пропасть.

История глубже всматривается в эти, как будто совсем новые и необычные, явления и скоро замечает аналогию, сходство, иногда даже почти тождество и потому определенно указывает, что здесь тот же общечеловеческий мир, с теми же явлениями, теми же законами развития, что человек на Востоке тоже, прежде всего, человек вообще. Сделан крупнейший шаг вперед в деле понимания Востока. И все-таки, несмотря на это важнейшее достижение, справедливость которого мы не можем оспаривать, мы чувствуем, что в Востоке есть нечто совершенно своеобразное и отличное от нашего западного мира, и мы хотим получить ответ, почему, несмотря на то, что история человечества едина, что в ней мы не можем выделить Востока, как нечто обособленное, понятия Восток и Запад остаются в нашем представлении раздельными и в чем-то несоединимыми.

Ответ на этот вопрос, нам кажется, можно дать совершенно определенный. Несмотря на тысячелетия развития культур Востока, достигших не только высокой степени в области духовной, но и большого совершенства в культуре материальной—в цивилизации, все великие достижения Востока сделаны при слабом развитии математики и наук, исследующих окружающую нас природу. Понимание этой природы, процессов ее жизни, жизни нашей планеты, солнечной системы и, вообще, окружающего нас мира оставалось всегда чрезвычайно недостаточным на Востоке. Развитие науки, точного знания было незначительно. Почему это было так, мы пока не знаем, ибо объяснить это исключительно властвованием религиозной стихии, конечно, неправильно. Но, необъясненный еще, самый факт остается. И громадные его последствия очевидны. Ясно то гигантское, почти сверхчеловеческое напряжение, которое должен был делать Восток, ясна та исключительная глубина интуиции, которая должна была обнаружиться, чтобы сделать возможными необыкновенные достижения Востока в области творчества духа: философии, искусства, даже в технике. В последней ему

приходилось заменять громадным опытом слабо развитую, недостаточную теорию. Достижения Востока в указанных областях не меньше, часто даже выше, достижений Запада, но основа их иная. И это чувствуется постоянно, ибо работа, которая шла на Востоке, чтобы получить эти достижения, была другая, чем на Западе, где лишь незначительная часть духовных, самостоятельных достижений добыта тем же путем. Очень скоро Запад начинает чувствовать потребность в точном понимании явлений окружающей его природы, его не удовлетворяют здесь туманные полу-ответы Востока, который ищет других ответов, ставит другие вопросы, который настолько увлечен вопросами духа, что пренебрегает тем, что считает низшим и отдельным от духа—материю.

Отсюда и получается то замечательное явление, что Восток, с его изумительной мудростью, силою и красотой, на каждом шагу представляется Западу своим миропониманием каким-то младенцем или недоучкой.

Но Запад чувствует все же исключительную мощь человеческого духа, которую проявил Восток и которую никогда уже так, с такой свежестью, непосредственностью и самостоятельностью человечество не сможет проявить, ибо теперь оно уже говорит во всеоружии знания, ибо теперь остроту зрения заменил микроскоп и сверхмикроскоп и телескоп, слух заменяют точнейшие и чувствительнейшие инструменты и они же заменили осязание. Ибо теперь у нас на каждом шагу помогающие нашей работе теории—результат достижений точных наук,—наши дети на школьной скамье знают то, что было недоступно величайшим умам Востока. Мера и число проникают в глубину вещества и открывают там недоступный Востоку мир бесконечно малых, точно так же как за пределами земли они открывают мир бесконечно большого. Электричество переродило вместе с паром всю материальную жизнь, радиум указал новые пути. Все это было неведомо Востоку, когда он мощью ума своего пропикал в тайны жизни, изучал и создавал понимание того, что ближе всего человеку—самого человека. И тут мы видим на каждом шагу, как ничтожны наши достижения в этой важнейшей для нас области, мы чувствуем постоянно, что Восток здесь во многом сумел подойти ближе к человеку, понять его духовное творчество лучше, чем это делаем мы.

Гордые своими точными знаниями, мнящие себя первыми в мире, европейцы, столкнувшись ближе путем науки с Востоком, поняли, что справедливо было это старинное чувство очарования восточным миром, что мудрость и красота его нужны нашей жизни, которая станет беднее без них. Европейцы поняли, что только Восток показал полностью духовную мощь человека, громадную непосредственную силу его мысли и чувства, которая была так велика и без могучего оружия знания. В этом сознании европеец черпает веру в будущее этого изумительного человека. Без Востока мы бы этого не знали, ибо наши начинания в глубокую старину детский лепет в сравнении с достижениями Востока.

Что даст новый Восток, мы еще не знаем, но мы чувствуем большие силы, которые таятся в нем; ведь до сих пор большую часть человечества

численно составляет тот же Восток. Глубоко захваченный Западом Восток все же хранит и свои старые заветы, старые навыки, и что он сделает из них мы еще не знаем, но хотим это знать. В старое время Восток создавал свою материальную жизнь, думал о прочности—вечности и красоте, не считаясь ни с временем, ни с затраченной силой, т. е. с ценою, в то время как Запад стремился в своей технике достичь наибольшей экономии труда и материала, т. е. наибольшей дешевизны, думая при этом больше о скорости производства, чем о прочности. Кипучая жизнь Запада требовала и требует скорейшего оборота, который имел гораздо меньшее значение для Востока. Теперь и это должно измениться на Востоке, вовлеченном в мировой оборот событиями жизни. И мы стремимся узнать, как он справится с этими новыми для него задачами.

Мы хотим поставить Восток ближе к широким кругам русских сознательных людей, ибо мы знаем, что старый Восток, великий творец в области духа, дал нам вечные образцы, которые никогда не потеряют своего значения для человека и никогда не будут так повторены. И вместе с тем мы знаем, что новый Восток полон тоже великих возможностей, заветы старого не умерли в нем, но он должен претворить их в новые образы, дать новые достижения.

Мы уверены, что России и Западу нужно знать и древний и новый Восток, без этого знания наша жизнь будет беднее и одностороннее. Чтобы свершилось, наконец, давно желанное глубокое и настоящее единение Востока и Запада необходимо полное взаимное понимание, к нему мы стремимся и хотим по мере сил ему помочь.

Сергей Ольденбург

